

ПРОЛОГ

Чувство падения. Оно длилось годы или века. Казалось, само время растянулось, чтобы вместить боль и растерянность. Он сделал свой выбор, лучший выбор, единственно возможный.

Падение сменилось ростом и яркой вспышкой света. Он прикрыл лицо рукой, спасая глаза, но свет никуда не исчез. В уши ударил мерный рокот. Океан за спиной. Убрал руку и увидел — черная скала под ногами. Впереди простирался широкий луг, на котором шло сражение. Люди. Похоже, он опять ошибся. Попробовал нырнуть обратно во тьму, которая так услужливо доставила его сюда, но почувствовал сопротивление. Семя внутри сопротивлялось. Придется задержаться здесь.

Люди заметили его. Сражение стихло. В первый момент ему показалось, что на лугу сошлись тысячи, теперь же он видел, что с каждой стороны было не более пяти десятков человек. Люди замерли, глядя на него. Примитивная кожаная броня и еще более примитивные копья с бронзовыми наконечниками, опущенными теперь к земле. Он мог понять их замешательство. Фигура, появившаяся неожиданно на краю крутой базальтовой скалы, одетая в необычную одежду, слегка светящаяся алым. Удивление часто сменяется страхом. А эти люди были еще и распалены сражением. Не стоит удивляться, что не прошло и нескольких мгновений, как в него полетела первая стрела.

Он позволил наконечнику коснуться себя, после чего стрела, не причинив вреда, упала на землю. Следующие

три стрелы, летящие от обеих групп сражающихся, он превратил в красивые завитки пламени. Семя Хаоса шевелилось внутри, давая силу делать невозможное. Он мог уничтожить всех этих людей так же легко, как стрелы, мог уничтожить весь луг, весь их мир, если бы постарался. Семя шептало, что он Всемогущий. Шептало, что нужно взять больше силы. Становилось все сложнее игнорировать этот шепот.

Однако, сделав над собой усилие, он улыбнулся и, разведя пустые руки в стороны, двинулся навстречу обеспокоенным людям. Они ждали его, подняв копья и щиты из крашеного дерева. Подумав, он подошел ближе, пока у одного совсем юного воина не сорвалась рука. Удар был не сильный, но бронзовый наконечник ударил его прямо в щеку. И, не причинив вреда, отскочил. Не появилось ни капли крови. Юноша отлетел в сторону, но поднялся с земли почти сразу же.

— Спокойно, я здесь не для войны, — сказал он. Не важно, что говорить. Он уже слышал, что их язык отличается от его. Важно было сказать это правильным тоном. Спокойно, уверенно, дружелюбно.

Дальше он подождал, пока из рядов не возникли два старших воина. По уверенности и бронзовым шлемам с причудливой гравировкой он понял, что перед ним лидеры. Тогда он повторил:

— Спокойно.

Они о чем-то негромко переговорили на своем языке, потом повернулись к нему. Один из них сказал ему нечто резкое и ударил себя кулаком в нагрудную пластину кожаного доспеха, усиленного бронзовыми полосами. Прибывший приложил правую руку к груди и ответил:

— Меня зовут Один. Теперь я буду вашим богом, несущим вам свет.

Часть первая ЗНАКОМСТВО

Глава 1 КАРРИР. СИРОТКА И МАГ

Каррир рос сиротой. Своих родителей он не помнил совсем. Бабушку помнил едва-едва. Кажется, ему было четыре года, когда она умерла. Следующие два года он помнил вообще весьма смутно. Но в шесть, когда его привели в монастырь Одина, он запомнил недовольное лицо матери настоятельницы. Тогда он не понимал, чем она недовольна, теперь догадывался. Его считали проклятым из-за глаз. Мало того, что его правый глаз был темно-карим, а левый голубым, помимо этого иногда его левый глаз почти не двигался, замирая. Людей это пугало, а люди не любят пугаться.

За последние шесть лет в монастыре он часто был бит сверстниками, старшими детьми, а порой и младшими. Каррир никогда не был особо силен и крепок. Он старался делать свою работу, которую каждый день давали ему монахи или сама мать настоятельница, но и они его не любили и побаивались, а потому назначали только самые мелкие и незначительные дела. Или самые грязные. Как сейчас, когда пришлось чистить конюшню монастыря. Всех коров и овец вывели пастись, и им с Фаллой поручили вывезти весь навоз. Фаллу также не любили. Видимо, в детстве она перенесла тяжелую болезнь, и теперь в четырнадцать лет все ее лицо украшали маленькие красные язвочки, которые не кровили, но сильно выделялись на угловатом лице. Фалла говорила, что они не болели, не чесались, не беспокоили. Но все считали ее такой же проклятой, как и Каррира.

Его жизнь стала лучше, когда Фалла три года назад оказалась в монастыре. До этого у него совсем не было друзей, а теперь был хотя бы один, пусть вспыльчивый и временами высокомерный. Они не были единственными уродами в монастыре, но другие дети были калеками, они держались вместе, им поручали другую работу. И они чаще вызывали жалость, а не насмешки. А они с Фаллой были слишком нормальными для калек и слишком уродливыми для обычных детей. Одинокими, проклятыми. Каррир не любил об этом думать.

Работа была тяжелой, особенно с учетом того, что Каррир был худ и невысок, а Фалла была девчонкой, да еще и выглядела в четырнадцать лет от силы на двенадцать. Каррир как раз прикатил обратно к конюшне пустую тележку для навоза, когда Фалла вышла из ворот конюшни и, прислонившись к ним, спросила:

— Как, по-твоему, почему мы до сих пор называем хлев конюшной, если лошадей нет уже прорву лет? — Ее взгляд блуждал по горизонту. Каррир посмотрел в том же направлении, слегка наклонив голову влево. Так ему было проще смотреть на что-то столь далекое, как горизонт.

— Хм. Не знаю. А это важно?

Фалла тяжело вздохнула.

— Не знаю, что важно, а что нет, но мне бы хотелось это узнать. — Она прищурилась на пролетавшее облако. — Пошли к реке!

— Фалла! Мы должны закончить уборку!

— А что они нам сделают? Заставят убирать конюшню?! — Она улыбнулась. Улыбка у нее было милой. Не то что язвы на лице. Каррир рассердился на себя. Если они сами друг к другу будут относиться плохо из-за таких мелочей, то чего ждать от остальных? Пока он топтался рядом с тележкой, Фалла уже пробежала половину склона к реке. Бросив тележку, Каррир побежал за ней.

У реки было прохладно, солнце неярко светило через кроны ив, и можно было с удобством лечь в их тени на

траву, погрузив ноги в медленные воды небольшой Овражки. Речка впадала дальше в более полноводный приток Меридиана — Кривую реку. Там располагалась большая деревня, куда монастырь часто отправлял монахов для трактовки Догм и для торговли.

Когда Каррир подбежал к прибрежным зарослям, Фалла уже залезла на любимую ветку ивы и сидела, опустив ноги в воду. Каррир, закатав штаны до колен, зашел на мелководье и умылся. Рука, скользнув по дну, наткнулась в иле на что-то твердое. Камешек неровной формы едва с фалангу его мизинца, слегка алый, как мутный-мутный кристалл. Каррир промыл его в воде, но камень так и остался мутным и тусклым.

— Что это? — Фалла заинтересовалась его находкой, а значит, спокойной жизни не будет. Любопытству Фаллы завидовали все окрестные сороки и кошки.

— Камень, — пожал плечами Каррир. — Немного странный. Может быть, стекло принесло откуда-то сверху течением...

— Там никто не живет. — Фалла нахмурилась. — Покажи мне. — Она протянула руку, не сомневаясь, что ее просьбу выполнят. В этом была вся Фалла.

Взяв камень в руки, она крутила его пару секунд. Посмотрела на свет, понюхала, хотела, кажется, даже надкусить, но потом передумала и протянула обратно. Она все так же хмурилась.

— А вдруг это Семя Хаоса?

Каррир в голос рассмеялся. Скорее он бы нашел тут мешок с золотом, чем легендарный камень, дарующий магию. Все знают, что Семя добывают в шахтах в Области Одина, в горах Ужаса. Как он мог оказаться здесь, за тысячу километров, на северном краю Империи?!

— Кар! Не смейся. Я, правда, думаю, что это оно. Знаешь, в другом монастыре, где я жила в приюте, останавливался один маг и его ученик. Я видела, как ученик, когда сдал экзамен после ночи бдения, проглотил похожий камень. Тот светился ярче, но он и не лежал в воде.

— И как ты могла это увидеть? Он его разве при всех глотал? Не смей меня!

— Я смотрела из святилища... Подсматривала с балкона для хора. Меня заметили и из-за этого выгнали сюда. Тот монастырь был в Каллимаре. Так что я знаю, о чем говорю!

Каррир посмотрел на камень вновь, теперь уже с сомнением. А вдруг это — Оно? Да нет, чушь!

— Почему же ты сама его не проглотила?

— Ну... Это было бы нечестно, ты ведь его нашел. Тебе и глотать.

— Не буду я ничего глотать!

— Тогда давай его сюда, я попробую. — Она требовательно протянула раскрытую ладонь.

Каррир задумался. Чушь... Но вдруг нет? Все знают, если ты примешь Семя и станешь магом, то тебя будут учить. Ты станешь важным. Тебе дадут службу у самого императора! Больше никаких издевок из-за его глаз, из-за того, что у него нет родителей. Мечта. Каррир задумчиво погладил камень. А потом, прежде чем позволил бы себе передумать, проглотил его. Он едва не подавился, закашлялся, нагнувшись и чуть не хлебнув воды из реки. Он почти ждал смеха Фаллы, ее слов о том, что она пошутит. Но смеха не было.

— Ну как ты? Чувствуешь что-нибудь? — Фалла пристально смотрела на него, наклонившись на своей ветке и держась за более высокие плети ивы. Отдышавшись, Каррир прохрипел:

— Ничего.

— Маг, о котором я говорила, беседовал с учеником. Он говорил, что Семя дает власть над силами. Нужно почувствовать одну силу и превратить ее в другую. Он говорил, что большую силу дает солнце, его свет. И еще огонь. Огонь больше всего дает силы. Главное, знать это и почувствовать силу кругом. Ведь сила есть во всем.

— Во всем?

— Конечно! Солнце греет и дает силу всему на земле. Воздух теплый, вода теплая, это от силы солнца! Если солнца мало, как зимой, то и тепла нет. Все замерзает. Маг может взять силу солнца и направить ее в другое место. Когда в таверне рядом с монастырем случился пожар, старший маг подошел к огню, направил к нему руку, а вторую поднял вверх. Огонь сразу исчез, а потом вспыхнул вверху, куда маг другой рукой показывал! Я думаю, он как-то с помощью Семени Хаоса этот огонь и перенес от одной руки к другой!

Слева что-то шлепнуло по воде, и ему пришлось повернуть голову, чтобы увидеть большой хвост, уходящий на глубину.

— Давай поймаем ее, Каррир! — крикнула Фалла. Он не успел глазом моргнуть, как она уже стояла на ветке, держа равновесие. Неожиданно небольшой камень ударил ее в висок, и она, взмахнув руками, упала в воду. Каррир развернулся, по-прежнему стоя почти по колено в воде. К берегу подходили три мальчика лет пятнадцати-шестнадцати, один кинул камень в Каррира, но промахнулся. «Только не они», — подумал он.

— Уродцы купаются! Как это мило! — воскликнул старший из подошедших. Тирам. Его «мило» всегда бесило Каррира больше всего. Он пошел вдоль берега, но мальчики преградили ему путь, сами зайдя в воду. Один справа, один прямо напротив берега и один слева. Карриру пришлось повернуть голову влево, чтобы взглянуть на него. И тут же тот, что был справа, ударил его по лицу. Не сильно. Но Каррир был меньше и не видел удара. Не ждал его. И упал в теплую воду. Отплевываясь, поднялся, стоя уже по пояс в воде. Дрожа от ярости. Кажется, ярость внутри отозвалась. Он почувствовал тепло воды, тепло воздуха вокруг. Все вокруг стало его яростью. Все вокруг стало его силой. Рука легла ему на плечо, один из мальчиков повернул его к себе. Все трое стояли рядом. Каррир зарычал и взмахнул руками перед лицами обидчиков, окруживших его. «Меняйся», — подумал он. Пла-

мени не было. Но рукам стало жарко, а остальному телу холодно. Вся троица закричала, а Каррира что-то потянуло вниз. Ноги не слушались его. Он тонул...

В себя Каррир пришел, лежа на берегу. Раздавались чьи-то крики. Над ним склонилась Фалла. Его трясло от озноба, ноги казались сплошным куском льда, он не мог ими пошевелить. Каррир даже приподнялся посмотреть, не превратились ли они действительно в ледяную глыбу, но внешне все было в порядке.

— Подожди! Надо растереть ноги, они ледяные! — Фалла начала растирать ноги Каррира через домотканые штаны.

Не понимая до конца, что произошло, он посмотрел на реку. Все трое, не выходя на берег, кричали на разные голоса. Тирам обернулся, не переставая голосить. Его лицо было покрыто ожогами, глаза оплыли, волос почти не было. Двое других выглядели не лучше. Один из них споткнулся и ушел под воду. Через пару секунд он снова вынырнул, кашляя и продолжая кричать. Это было жутко.

Фалла прекратила его растирать и спросила:

— Как ты? — Она, кажется, была серьезно испугана и обеспокоена. Впрочем, у нее были все основания для этого. Каррир попробовал встать, но ноги не слушались.

— Я ничего... Ничего. Только встать не могу.

Фалла помогла ему подняться. Каррир неуверенно сделал шаг, покачнулся, но Фалла помогла удержаться. Ноги пощипывало, будто он отсидел их.

— Это было Семя Хаоса! — Каррир не сразу понял, о чем она. Потом вспомнил, как проглотил ранее мутный камушек из реки. Точно. Семя! Магия! — Это так здорово! Ты теперь маг!

Она посмотрела на Тирама и двух его друзей и немного помрачнела. Но потом опять улыбнулась.

— Это жуткое зрелище. Но ведь они сами виноваты! Они всегда над нами издевались! Теперь сами почувствуют, что значит быть слабыми! — Она гневно вскинула подбородок. А вот Каррира подташнивало каждый раз,

когда он бросал взгляд на обожженных мальчиков. А когда думал о том, что это с ними сделал он, становилось совсем плохо. Почувствовав его настроение, Фалла повернулась к нему.

— Ты теперь маг, но нам придется уйти отсюда.

— Что? Почему?

— В монастыре этого так не оставят. — Она махнула рукой в сторону Тирама. — Нам придется отвечать. Но если мы убежим прямо сейчас, можем в любом городе сказать, что ты нашел Семя и теперь маг! Тебя проверят и возьмут учиться в академию!

— А ты?

— Ну, мне тут оставаться все равно не стоит. Лучше я пойду с тобой, может, меня возьмут в академию за компанию. Я люблю учиться, и если покажу себя хорошо, то мне тоже дадут Семя!

Каррир подумал. Потом кивнул и сказал:

— Хорошо, и куда нам идти?

— Для начала в Краст. А оттуда давай в Каллимар. Я до этого жила в монастыре там и знаю город.

Так вместе они пошли прочь от реки, в которой продолжали кричать трое обожженных Семенем Хаоса мальчиков.

Глава 2

ПАРИН. ОРУЖЕНОСЕЦ ТРЕТЬЕГО ТИПА

Лето в военном лагере не лучшее время года. Душно, жарко, сложно найти тень. Впрочем, Парин начал считать, что лучшего времени здесь просто не существует. Особенно если ты не хотел оказаться в таком месте и не чувствуешь себя солдатом. Парин был оруженосцем. Но была одна тонкость — оруженосцы делились на два типа: первые были сыновьями военных, рыцарей, легионеров и приграничных баронов, вторые были отпрысками ремесленников и крестьян, мечтающих о сражениях. Первые были закалены с детства, часто рождались и вырастали в таких лагерях.

Их амуниция была старая, потертая, не всегда полная, но качественная. Да и сами они были терты походной жизнью. Вторые иногда поначалу амуниции не имели вовсе. Как правило, они бежали из дома и упрашивали небогатых рыцарей взять их в жалкие оруженосцы. Но у них был юношеский пыл, желание драться и огромная выносливость, присущая детям крестьян и мастеровых. Парин был другим. Он был сыном богатого торговца. Обычно у таких успешных людей немного наследников, в основном дочери на выданье, чтобы породниться с мелкими дворянами. У Парина же было пять старших братьев. Когда ему исполнилось шестнадцать, отец решил, что Парин станет воином. Так он ему сказал. Это был пятый или шестой раз, когда Парин говорил с отцом наедине.

Отец нашел хорошего рыцаря, настоящего, прославленного в боях на северном рубеже, но не знатного сэра Бэнига. И заплатил ему, чтобы тот взял Парина в оруженосцы. В итоге юноша сильно отличался от остальных оруженосцев. Его доспех был из лучшей стали, подогнан по росту и сверкал новизной. Любой, кто видел его в этом доспехе, сразу понимал, что эта сталь не знала сражений. Ни единого скола, вмятины, пятнышка ржавчины. Парин пару раз даже думал о том, чтобы поколотить свой собственный доспех палицей сэра Бэнига. Да и сам Парин выглядел, как его доспех. Без синяков, шрамов, мозолей. О том, чтобы с помощью кинжала добавить себе шрамов, Парин, к счастью, не задумывался. Он выделялся среди буйного общества других оруженосцев, и, разумеется, его не любили.

Настоящие оруженосцы считали его избалованным и нежным. Жалкие оруженосцы считали его избалованным, нежным, да еще и богатеньким. Парин считал себя избалованным, нежным и трусом. Наверное, от последнего было больше всего проблем. Дело в том, что, узнав о выборе отца, Парин сначала даже обрадовался. Он обожал читать о битвах прошлого, разбирать ход военных кампаний, о которых в обширной библиотеке отца была

хотя бы одна книжка. Он грезил о воинской славе. Пока читал книги. Все это длилось до первого военного лагеря. Там он понял две вещи. Первое, он чужой здесь. Второе, на самом деле он трус. Он боялся даже тренировочных боев. Он боялся боли. Он боялся суровых лиц настоящих солдат. Боялся ударить и получить удар в ответ. И поэтому его били часто. Сэр Бэниг хорошо к нему относился, учил, но и не думал защищать от других оруженосцев. Это было их собственное, внутреннее дело.

Парин шел по лагерю, разбитому около Каллимара, — одного из крупнейших городов севера. Сэр Бэниг отпустил его до вечера, и юноша решил, что лучше обратиться из него на время. Обычно оруженосцы тренировались на площадке, устраивая учебные поединки и отрабатывая удары на бревнах, врытых в землю. Хорошее занятие. Парин любил оттачивать удары, показанные ранее сэром Бэнигом. В отличие от учебных боев тут он не боялся сделать больно кому-то, и поэтому выходило у него все неплохо. Вот только если он сейчас пойдет на площадку, ничего хорошего не будет. Он знал это, а потому решил сделать проще. Он выберется из лагеря, найдет тихое тенистое местечко неподалеку и хорошо выспится. А потом всю ночь будет отрабатывать удары и блоки в одиночестве. План был неплох, Парин так делал уже три раза за последние две недели после того, как его первый раз поколотили на тренировочной площадке другие оруженосцы.

— Ты слышал, к нам наведалься Ацелий! Этот едкий старикан нас всех тут заест!

Парин даже замедлил шаг. О претор-легате Ацелии он читал в наиболее свежих книгах. По сути, это он разработал современную тактику сражений имперских легионов, введя магов в постоянные тактические построения. После того, как несколько веков назад из-за мора вымерли все лошади, тактика резко изменилась. Роль магов в войсках возростала все больше. Сначала маги воевали, как им вздумается, ведь это маги. Но было ясно, что необходимо разработать тактику для всех орденов, которые об-

ладали разными способностями, и заставить высокомерных магов отрабатывать эти тактические построения с легионерами. Именно Ацелий, командир тактического корпуса, двадцать пять лет назад разработал роли для магов четырех орденов, согласившихся участвовать в войнах Империи. Парин восхищался этим умным человеком. Если он сейчас в военном лагере...

Толчок руки с деформированными пальцами вывел его из равновесия, и он чуть не упал в пыль. Нечеловеческие глаза смотрели на него с возмущением.

— Щенок. — Странно, но голос был человеческий. Один из Повелителей плоти. Судя по медленной и вальс-яжной походке деформированных ног — Бегун. Из тех магов, что частично заменили кавалерию. Они неловко и с трудом ходили, зато бегали в четыре-пять раз быстрее самого тренированного человека. Их ноги были специально деформированы для этой цели. Повелители плоти относились к одному из орденов магов. Их орден находился в Элампионе, далеком городе на юго-востоке, входящем в Союз торговых городов. Он состоял из четырех богатых городов-государств, не входящих в состав Империи. Элампион был одним из них. Однако Союз охотно поставлял в имперскую армию наемников. Двое Бегунов прошли мимо. Тот, что его толкнул, все еще бормотал в адрес Парина какие-то оскорбления. Юноша ошеломленно замер, глядя на кисти рук Бегуна, — неестественно длинные, с десятисантиметровыми, слегка загнутыми золотистыми когтями. Они тоже были преобразованы, как ноги и глаза — с узкими щелями зрачков, чтобы лучше видеть ночью во время налетов. На Бегунах были только широкие шаровары, скрывающие деформацию ног. Магам доспехи ни к чему. Очень редко кого-то из них удавалось убить обычным оружием. Именно поэтому первое время они считали себя повелителями сражений, которым ни к чему тренировки совместно с остальными войсками.

Из прострации Парина вывел трубный голос. Он сделал несколько шагов в сторону, и мимо медленно и не-

спешно прошел титан. Ростом около трех с половиной метров, это существо шло, раздвигая толпу. Титаны не были магами из Повелителей плоти, их создал на заре времен сам Один. Большие, сильные, неспешные и неглупые, как думали многие, впервые встретившие титанов. Они очень помогали при различных работах при устройстве лагеря, но не в бою. Титаны были существами абсолютно миролюбивыми и не агрессивными, такими их создал бог Империи.

Парин отдышался и пошел дальше. Уже на выходе из лагеря он столкнулся еще с одним магом. Тот явно искал кого-то в толпе. Наконец, не выдержав, он просто взлетел на пять метров. Юноша почувствовал легкий прохладный ветерок на лице. Развернувшись в воздухе и оглядевшись, маг заметил того, кого искал, и тут же рухнул вниз. Приземлившись на прямые ноги, он даже не пошатнулся. Но воздух над ним задрожал от жара. «Скорее всего, Кинетик», — подумал Парин. Этот орден был одним из самых многочисленных в армии. Способность взлетать и сверху осыпать врагов большим количеством мелких кусков металла или камнями была очень ценна. С этой мыслью Парин выбрался из лагеря.

В лагерь Парин возвратился уже на закате. Его пропустили через ворота, там уже потихоньку привыкали к подобным прогулкам. Наскоро поев в общей столовой, организованной в огромном шатре, он отправился на тренировочную площадку. Рутинная отработка ударов изматывала многих новичков, но Парину она нравилась. Десять тысяч ударов. Столько мастера отводят на то, чтобы освоить технику одного удара и применить ее в бою, точно и не задумываясь. Парин заметил уже давно, что у всех это число различается. Не у оруженосцев из среды рыцарей, те часто начинали тренироваться очень рано. У оруженосцев попроще. Кто не держал в руках оружие, пока не попал в лагерь.

Пока Парин ходил на площадку со всеми, среди этих оборванных, жадных до драк оруженосцев он замечал и

тех, у кого удар сносно вставал после пятидесяти повторов, и тех, у кого и после тысячи удар не шел совсем. Сам Парин не считал свои повторы. Зачем, если он чувствовал и видел технику? Для многих это было соревнование, кто первый сделает еще сотню ударов. Парину было интересно только мастерство. Себя он относил к середнякам. Были и те, кто осваивал удары куда быстрее, и те, кто отставал от него. Парин взял тренировочный клинок, затупленный и более тяжелый, чем боевой. Встав около одного из бревен, он решил начать с разминки и отработать еще немного боковые удары и прямые выпады и только потом переходить к более сложным связкам ударов, которые начал осваивать в конце прошлой недели.

Однако уже после четвертого удара его прервал недозвольный голос:

— А я-то надеялся, что по ночам всякая шпана не будет мешать мне пить! — Голос был негромкий, слегка гнусавый, и раздражение в нем смешалось с насмешкой. Парин обернулся и увидел человека, сидевшего, прислонившись спиной к одному из тренировочных бревен. На вид мужчине было не больше сорока пяти или пятидесяти лет, русые волосы немного поседели на висках, были заметны легкие морщины, особенно вокруг глаз. Одет он был неброско, в серое и коричневое, не военная форма, а гражданское платье мелкого дворянина или преуспевающего торговца. Лицо было с резкими чертами, нос, скулы, дуги бровей, подбородок, все это казалось слишком выпирающим. Улыбка кривоватая и слишком насмешливая, чтобы быть искренней.

Размахивая бутылкой, зажатой в левой руке, мужчина встал и пошел в сторону Парина. Он был невысок, ростом с юношу, худым и жилистым. Казалось, у него костей больше, чем у нормального человека. Походка из-за этого выглядела неуклюжей, но Парин заметил, что не слышит шагов, и правой рукой незнакомец не отпускает рукоять меча, висевшего на поясе справа. Подойдя ближе и

источая запах крепкого вина, мужчина посмотрел Парину в глаза.

— И что же столь юный и достойный молодой рыцарь делает в столь неурочный час на площадке? Сэр?!

— Э... Я не рыцарь. Я оруженосец.

— О! Это все объясняет! Ведь все оруженосцы ночами тренируются, а не пытаются сбежать от надзора своих старых рыцарей, чтобы выпить, подраться и затащить в палатку пару девок!

— Э... Мой господин сэр Бэниг отпустил меня до завтрашнего утра... Э... Сэр?

— О! Это же все меняет! Значит, если нельзя сбежать, то и азарт юности пропадает. Беда! Вот что, маленький мой зайчик, разворачивайся и скачи отсюда, сегодня эта площадка занята старым и ужасным драконом! — И, увидев недоумение на лице Парина, мужчина, ударив себя в грудь бутылкой с вином, так что немного пролилось ему на грудь, добавил: — Мной!

— Э... Сэр... Я хотел бы остаться и потренироваться наносить удары.

Лицо мужчины вытянулось, он слегка ссутулился.

— Значит, приказов старших по званию мы не слушаем... Так-так-так! И почему бы тебе не потренироваться тут завтра с утра?

— Я не могу посещать площадку для тренировок с другими оруженосцами, сэр. — Разговор все меньше нравился Парину, и он уже жалел, что не ушел сразу. Этот мужчина явно был не в себе.

— Не можешь? Хм... Ну, допустим. Что же мне тогда с тобой делать? — Мужчина потер подбородок левой рукой, в которой все еще была бутылка. — Хочешь? — Он протянул бутылку Парину.

— Нет, сэр. По уставу нельзя употреблять алкоголь на территории военного лагеря.

Губы мужчины сжались в линию.

— Кажется, я начинаю понимать, почему ты не можешь ужиться с другими оруженосцами. — Парин от этих

слов покраснел, а мужчина тяжело вздохнул. — Это никогда не годится!

— Не годится действовать по уставу? — неуверенно уточнил Парин.

— Не годится учиться бою, только избивая этих несчастных! — Мужчина обвел рукой с бутылкой бревна для тренировок. Правая рука так ни разу и не покинула рукоять меча. — Вот что мы сделаем! Это гениально! Мы устроим учебный бой!

— Сэр, но вы ведь пьяны!

— Да ты что?! А ты идиот, не смыслящий ничего в военном ремесле! Скажи-ка мне, мой маленький зайчик, чем можно объяснить отсутствие в имперской армии мобильных групп поддержки?

— Мобильные группы поддержки были упразднены за ненадобностью двадцать пять лет назад после того, как претор-легат Ацелий предложил новую тактику использования магов из ордена Повелителей плоти!

— Это не причина, это факт! А меня интересует причина, почему эта недалёковидная скотина так сделала!

— Два мага способны заменить группу из пятидесяти человек по урону, который они нанесут сопернику. При этом даже самые тренированные бойцы в самой легкой экипировке не смогут сравниться в мобильности с Бегунами.

— Хм... Надо же, оказывается, ты не только устав читаешь! — Мужчина перехватил бутылку правой рукой, левой достав свой меч. Лезвие было нетипичного размера, чуть меньше и тоньше стандартного рыцарского меча. — А теперь поединок!

— Сэр, учебный поединок может проводиться только специальным оружием. Проводить поединок боевым оружием недопустимо. К тому же вы...

— О боги! Хватит нести чушь. Я буду только парировать твои удары, вперед! Не будь такой нудной занозой в заднице!

Парин неуверенно нанес боковой удар. Он еще не сходил в учебных поединках с противниками, предпочитающими левую руку. И сам не тренировал удары этой рукой. В итоге атаки выходили кривые. Он попробовал смещать в момент атаки центр тяжести, и вышло лучше.

— О! У тебя работает голова, мой маленький зайчик! Каким строем ты бы пробивал стену щитов со средними копьями, чаще всего используемую северянами?

— Я бы использовал магов. — Парин даже не успел задуматься, как ответил. Разговор сопровождался звоном мечей. Он все увереннее наносил удары своим затупленным мечом. Увеличивал натиск, но мужчина, несмотря на выпитое, отражал все атаки легко и уверенно.

— Все маги недоступны, спят с тяжелой головой после вечерней попойки!

— Тогда клин тяжелой пехоты! «Кулак рыцарей» продавит строй, а легионеры могут ударить в разрыв.

— А если у противника будет Молния? — Так назывались маги ордена, насылающие на врагов молнии и отталкивающие металлы в большом радиусе от себя. Использовать против них тяжелую пехоту в полных стальных доспехах безумие.

— У северных варваров нет таких магов! — У королевств на севере Империи и правда не было Повелителей плоти и Молний. Только Кинетики и Пироманы. Да и тех было в несколько раз меньше, чем в войсках Империи. Именно поэтому уже много лет Империя не знала больших войн, а тем более поражений.

— А это гражданская война! Не будь придурком, думай!

— Тогда маги...

— Все наши маги с жестким похмельем!

— Тогда для атаки можно перестроить легионеров в фалангу с длинными копьями, чтобы потянуть время, пока мобильная группа...

— В Империи нет мобильных групп! — А ведь он прав, имперская армия стала слишком зависимой от магов.

Парин даже замер, не доведя удар до конца. Резкая боль пронзила щеку. — Не замирай в бою, мой маленький зайчик!

Кровь текла по щеке. Удар был не сильный, просто царапина. Но боевым оружием. Если бы мужчина немного промахнулся, он мог бы убить Парина. А ведь он был еще и пьян...

— Вы обещали не атаковать, а только парировать! — Парин был так удивлен, что до сих пор даже не почувствовал боли. Но теперь щеку начинало жечь все сильнее. Он прижал ладонь к ранке, чтобы остановить кровь.

— И не верь первым встречным старым пройдохам! Мальчик, у тебя варят мозги, но твоя доверчивость и неумение развлекаться доведут тебя до беды! А теперь дуй в норку, мой маленький зайчик! — Мужчина развернулся и скрылся между шатрами лагеря.

Парин постоял еще немного, прижимая руку к щеке. Кровь остановилась, ранка была совсем маленькой. Он пошел в свою палатку. Спать после дневного отдыха не хотелось, и он долго лежал, глядя в брезентовый потолок и думая о том, что армия в самом деле стала слишком сильно зависеть от магов. Это может навредить развитию общей тактики в дальнейшем. Правда, пока ни у кого нет такого числа магов, как в Империи, проблема не очень велика. Был вечер понедельника.

Глава 3

АСЦИЕНА. ЦЕРКОВЬ И ИСТОРИЯ

Асциена была историком. А еще священником. Если говорить строго. Дело в том, что все ученые были или магами или священниками. Маги больше любили естественные науки. Они изучали мир вокруг. Зачем им это было нужно, и почему они считали это интересным, Асциена не представляла. Священники же изучали людей. Управление, психологию, историю. Это было ближе Ас-

циене. Ведь все знают, что когда-то каждый из богов — Один, Великие боги и Младшие боги — был человеком. Именно они и интересовали Асциену. Она была историком божественного.

Внутри церкви Одина было два направления истории богов. Одно было связано Догмами с богословием и проповедями. Это направление было консервативным и бесконечно далеким от реальной истории мира. Главным в нем было общение с паствой: дворянами, мастерами, торговцами и крестьянами. Управление ими во славу Одина. Это направление не допускало даже мысли о том, что боги были когда-то простыми людьми. Нет, оно допускало, что когда-то Великие боги были только смертными учениками самого Одина. Так же, как Младшие боги были учениками Великих. Но они не были обычными людьми. Нет, нет, что вы. С самого рождения они были избранными. Особыми. В них сразу чувствовалось что-то божественное. У каждого было свое описание жизни, где каждая страница буквально изобиловала чудесами. Только потому они и становились учениками. Сейчас людям далеко до таких высот духа и веры, потому нет уже давно учеников, достойных стать богами. Да и сами боги, что пережили Войну богов, ушли бороться с Ничто вслед за Одним, устав от нечестивости людей. Потому надо покаяться, отринуть все грешное, и боги вернуться с победой, наступит новая эра процветания. Ну и, кроме того, чтобы каяться и отвергать, нужно еще побольше заплатить проповеднику. Иначе никак.

От этих мыслей Асциена почувствовала, как начинает проваливаться в свое темное состояние. Оно раскрыло над ней свои крылья из тьмы и ужаса. Сегодня придется принимать лекарство. Асциена не любила думать о проповедниках. Не любила их фальшь. Даже немного презирала их. Сама Асциена была истинным историком. Церковь понимала, как важны знания, и, кроме внешнего следования догмам веры, тщательно изучала историю народов и богов. Об этой истории не говорили на пропове-

дах. Ею не делились с другими. Это было внутреннее знание церкви, которое добывали истинные ученые, такие, как Асциена. Собственно говоря, она была одной из лучших. Ее ценили за две вещи — знание древних языков и умение докопаться до правды любыми средствами. Если бы еще не ужасные приступы ее болезни, от которой было только одно лекарство...

Сан Асциены позволял ей посещать любые библиотеки, включая императорскую и частные дворянские. Формально Область Одина, где находилась резиденция его церкви, не относилась к Империи, как и Союз торговых городов. Однако они уже давно были союзниками, ведь когда-то ими правил единый бог Один. Да и сейчас отношения были весьма теплыми. Они не воевали со времен Войны богов, свободно торговали друг с другом и обменивались знаниями.

Поэтому после окончания Академии праведности, главной школы будущих священников Одина, Асциена путешествовала повсюду, проводя большую часть времени в библиотеках и книгохранилищах. Она восстанавливала ход важнейших исторических событий на континенте. Ее уважали, ее ценили.

Сейчас Асциена работала в подземном хранилище в столице Империи, городе Майне. И, судя по болям в спине, читала около восьми часов подряд хроники Войны богов. Нового пока найти не удалось, но чтение увлекло ее. Если бы в хранилище еще было поменьше пыли. Асциене казалось, что ее нос от частого чихания увеличился вдвое. Отложив книгу из пергаментных страниц в кожаном переплете, описывающую становление Амера Убийцы Богов и его битву с Великим богом Илаимом, она встала и потянулась. Взяла закрытый фонарь с ровным светом и пошла к выходу. Хорошо, что Империя сотрудничает с орденом Молний, и он поставляет эти замечательные фонари. Другие библиотеки часто ужасно сложно обезопасить от пожара. И жаль, что фонарей этих так

мало, что их могут брать только главные библиотекари и такие важные гости, как Асциена.

На выходе из хранилища Асциена столкнулась с двумя почтенными старцами — хранителями библиотеки. Они ей почтительно поклонились, и она ответила тем же, хотя ее спина отчаянно болела. Впрочем, вряд ли эти старички чувствуют себя лучше, даже не сидя за книгами. Улыбнувшись этой мысли, Асциена отправилась в свои покои. Ей срочно нужно лекарство.

Чем ближе она подходила к жилой части здания, где за немалые деньги могли разместиться гости библиотеки, тем чаще попадались люди. Многие были такими же священниками-историками, как и Асциена, прибывшими из Области Одина. Они пытались с ней заговорить. Но чувствуя подступающую тьму и отчаяние, Асциена старалась быстрее отделаться от таких собеседников. Их интерес к ней был понятен. Знание древних языков принесло Асциене недавно важное открытие о гибели Матери Милосердия, одной из самых почитаемых Великих богинь. Это сделало ее знаменитой, и многие хотели поздравить, попросить перевести для них какой-то текст или просто поболтать и обратить на себя внимание. Обычно ей это нравилось, и общалась она не меньше, чем читала, но сейчас было не то время. Сейчас она могла думать только об одном.

Впрочем, если она встречала по пути знакомых священников, ей приходилось говорить больше. С одной только Миллой, своей подругой со времен академии и коллегой по паре проектов, она проговорила около пятнадцати минут. От Миллы было сложно отделаться. Она была увлечена своим проектом — описанием ученичества Великих богов. В другое время Асциена увлеклась бы темой, особенно после того, как Милла намекнула, что скоро, возможно, найдется какой-то редкий источник. Чуть ли не из потерянной библиотеки Капитула, древней столицы Империи. Ныне Капитул находится в самом центре Пустоши. Эта область оставалась выжженной с

самого ухода Одина. Именно там начался прорыв Ничто, и богу Империи пришлось, оставив власть и силу шести ученикам, отправиться на борьбу с новой угрозой миру. Так писали в Догмах.

Правда была куда хуже. Пустошь — место смерти Одина. Место, где шесть учеников убили своего учителя и разделили его силы. Об этом знали только внутри церкви и в орденах магов. Люди об этом порой шептались, но неуверенно, боясь гнева церкви. Ведь по Догмам Один жив и сражается с великим Ничто. От этих мыслей Асциене было грустно и еще больше хотелось принять лекарство. Лекарство помогало от тоски и печали как ничто другое!

Если Милла права, то можно будет восстановить истинные события тех далеких дней. Сама Асциена открыла, что Амер Убийца Богов, который в Догмах представлен одним из адептов Ничто, был куда лучше большинства Великих и Младших богов. В древних текстах она нашла фрагменты о том, как он помогал людям бороться с самими богами, когда те поступали несправедливо, мстил, если боги слишком жестоко играли человеческими жизнями. Возможно, расшифровав тексты, на которые намекает Милла, удастся найти истинную причину Войны богов. Может быть, Убийца Богов, как думали некоторые историки, просто мстил за убийство Одина? Эта мысль так увлекла Асциену, что на минуту даже отступила тьма и отчаяние. Но потом они накатили с новой силой. Скорее в свои покои. Скорее принять лекарство!

Через пятнадцать минут она уже была у себя. Жадно пихая лекарство в рот, начала наслаждаться покоем и счастьем. Она почти успокоилась. Дверь внезапно открылась.

— Асциена! Они действительно там! Нам нужно срочно добраться до Кальциума, что на границе с Пустошью, туда доставят текст, о котором я говорила! Оригинальный текст кого-то из учеников Одина! Одного из будущих Великих богов! — Милла была явно очень обрадована и возбуждена. Даже не постучалась. А Асциена, как назло, за-

была запереть дверь. Похоже, теперь все будут знать о ее постыдной слабости, о ее зависимости от лекарства. — Эй, Ассиена, почему ты вся измазана шоколадом?

Глава 4

СИЛЕН. МЕСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ

Силен, сколько себя помнил, всегда старался занять себя работой. Когда он отдыхал, ему часто приходили в голову странные мысли, будто бы чужие. Он их не любил, поэтому старался каждую минуту что-то делать. Эта черта очень нравилась его соседям в крупном, на пять десятков домов, поселении Краст.

Одна из проблем Силена, правда, была в том, что помнил он о себе совсем мало. Пять лет назад охотники из деревни нашли его в лесу без памяти, в изодранной одежде. Сначала думали, что он раб, сбежавший из свободного баронства на севере. Но клейма на нем не нашли, и староста Краста Оплён решил над ним сжалиться. Ему разрешили поселиться в заброшенном доме на краю деревни. Старик, живший там, умер тремя годами ранее, а когда жив был, за домом следил плохо, крыша текла в семи местах, крыльцо почти сгнило. Но Силен не жаловался. Добрый люд помог с утварью, большей частью старой, иногда поломанной, и живностью — парой молодых козочек и двумя несушками с петухом.

Большинство жителей Краста думали, что он сопьется еще до конца года. Но Силен не пил. От пива и местного самогона к чужим мыслям в его голове прибавлялись чужие голоса. Это его пугало. Он начал восстанавливать дом, следить за нехитрой живностью, помогать мужикам в поле. Сначала ему не хватало навыка, но он быстро учился у других и никогда не избегал работы. Постепенно его начали уважать в деревне. Охотнее помогать. Он почти заслужил право называться своим, чего другие приезжие в деревне порой не достаивались годами. Первая зи-

ма была тяжелой. Но ему помогли с продуктами, кое-как выжил. А весной деревенские мужики собрались и помогли ему расчистить небольшое поле.

Так постепенно его жизнь наладилась и вошла в колею. Чем дальше, тем меньше требовалось помощи ему, и тем больше он помогал другим. Если бы Силен спросили, счастлив ли он, он бы не знал, что ответить. Но несчастлив он точно не был. Ему нравился покой деревенской жизни, пришлось по душе изматывающая порой работа. Ему даже начала нравиться одна женщина из местных. Шара была вдовой. Муж ее погиб на охоте давно, еще до того, как Силен появился в деревне. Детей они завести не успели. По хозяйству она справлялась сама, но мужские рукигодились бы. Все в деревне, похоже, ждали, когда же они сойдутся.

В этом году Силен решил расчистить еще небольшой участок под озимые. Не стал просить у соседей быка, сам впрягся в плуг и неспешно вспахивал свой размеченный участок. Здесь, на севере Империи, места были не очень-то обжитые, и каждый мог обрабатывать столько земли, сколько сможет. Главное, чтобы успевал работать еще и на общинном поле и платить налоги сборщикам дважды в год. Работа была тяжелой, но Силен справлялся. Очень высокий и широкоплечий, немного сутулый, он был очень силен. Пожалуй, по силе во всей деревне с ним мог сравниться только кузнец. Но кто-то в роду кузнеца был полукровкой от Низших. Это проявлялось в желтых глазах, очень жестких волосах и довольно буйном нраве. Поэтому некоторые жители деревни шептались, что и Силен тоже из полукровок. Просто внешних признаков ему не досталось. Такие люди порой его сторонились, но их было немного.

— Силен, здоров! Боронить будешь? — Пока Силен работал, к нему подошел староста. Оплечен всегда был дородным, но сейчас стал к тому же пузатым и неповоротливым.

— Да. — Чаше всего Силен так и отвечал — мрачно, немногословно. Может, где-то в другом месте решили бы, будто он слишком замкнут, но в Красте думали, что он просто говорит только по делу. Тут, почти на границе Империи, жило много замкнутых людей.

— Ты бы погодил немножко, мы на днях из Каллимара заказали для работ на общем поле титана. Он тебе тут быстро все вспашет. А заплатить придется всего чуть.

Силен задумался. Он не любил отвечать сразу. Лучше все продумать и оценить. Спешка вредна. Так он считал всегда, если в голову не лезли чужие мысли. С одной стороны, предложение Оплен было заманчивым. С другой, не его мысли начали появляться все чаще. Нужно больше работать. Если работать много в течение дня, то и снов, может быть, не будет. В последние месяцы ему часто снились темные сны. Очень темные. Где было много крови. Силен вздрогнул и ответил:

— Нет, Оплен. Я лучше сам. Медленно, но сам.

— Ну, воля твоя. — Староста еще помялся, посмотрел на часть поля, которую Силен уже вспахал. — Ну и здоров же ты! Я бы и с половиной так быстро не управился!

— Я люблю работать. — Силен ждал. Судя по тому, как староста мялся, он хотел поговорить еще о чем-то.

— Силен. Тут такое дело... Моя-то дружбу с Шарой водит. Ты бы к ней пригляделся. Она хоть куда баба! Да и о тебе часто говорит. Ну...

— Спасибо. Присмотрюсь. — Силену этот разговор не нравился. Женщина ему нравилась, но впутывать старосту или еще кого-то он не хотел. К тому же в последнее время каждый раз, когда он думал об Алае, в его мыслях будто что-то больно царапалось.

— Ага, ты это... Приглядишься, значит. Ну, я пойду.

Силен кивнул и вернулся к работе, краем глаза наблюдая за тем, как Оплен уходит в сторону деревни. Глупый разговор. Ну да ладно, надо сосредоточиться на работе.

Когда немного стемнело, Силен выпрягся из плуга и встал во весь рост, разминая спину. Именно в этот мо-

мент он и заметил чужаков на краю леса. От Силена их отделяло шагов сто, и он видел, что одеты они, как северяне. Как воины из ополчения северных королевств. Четверо в длинных кольчугах со стальными наплечниками и круглых шлемах, один в бахтерце. Все вооружены длинными прямыми мечами. Скорее всего, передовой отряд из шайки налетчиков. Большой войны с Империей у северян не было уже лет двадцать. Обычно такие шайки нападали на баронства, но иногда добирались и до земель Империи.

Силен напрягся. От этих чужаков можно ожидать всякого. Пятеро воинов шли, не скрываясь, не опасаясь одинокого крестьянина. Да и с чего бы?

«Они беспечны», — произнес жесткий голос в голове Силена. Что? Нет, это было хуже, чем обычно. Прежде был только шепот. Сейчас же это был полноценный голос в его бедной голове. Голос, который он иногда слышал во сне, в самых жутких своих кошмарах.

«Соберись, дурак! Они близко!»

Действительно, пока он думал о голосе, северяне подошли ближе, он уже слышал их речь. Искаженный имперский язык. Понять было сложно, но можно.

— Всего один болван, быстро прирежем и идем в деревню, — сказал воин в бахтерце, видимо, старший из них.

— Может, лучше подождать остальных? Возьмем в кольцо деревню, а то разбегутся, — возразил один из воинов в кольчуге.

— Пусть бегут, пусть думают, что это просто набег. Сотник с утра говорил, что было бы отлично, если имперские свиньи вышлют на перехват часть легиона, думая, что это просто набег. О том, что мы взяли Кольцо Ираны, они не знают. Так что эти пусть бегут.

Солдаты довольно рассмеялись. Силен не понял и половины, но голос в его голове понял больше:

«Вторжение. Война. Нужно уходить!» — Силен вздрогнул. Тут главный северянин сказал медленно, сильно артикулируя:

— Передай привет своимдохлым богам, имперец. — Он небрежно занес меч, думая один ударом убить неповоротливого здоровенного крестьянина. Силен сам не понял, как перехватил левой рукой его запястье, вывернул рукоять меча и, повернув клинок, вскрыл горло северянину.

Четверо воинов замерли. Силен тоже стоял неподвижно, чувствуя, как по его рукам течет кровь. Чувство казалось знакомым. Опустив левую руку, зажавшую рукоять меча, Силен отошел на пару шагов, ссутулившись еще больше обычного.

«Конечно, оно знакомо тебе, тупица! В свое время мы проливали реки крови!» — Силен прижал правую руку к виску и застонал. — «Отлично! Они подумают, что ты сумасшедший, и утратят бдительность! Молодец, так держать!»

Один из воинов, взревев, бросился на Силена, замахиваясь мечом для удара сверху. Силен небрежно парировал выпад, все еще держа меч в левой руке, и, повернувшись через левое плечо, нанес размашистый удар в щель между наплечником и шлемом. Кольчужный воротник не выдержал, лопнув. В небо ударила струя крови. Силен повернулся к оставшимся троем северянам, тяжело дыша не столько от схватки, сколько от страха вновь услышать этот безжизненный сухой голос в своей голове.

«Правильно, не принимай позицию для атаки. Расслабь руку с мечом. Сделай вид, что ты не в своей тарелке, что тебе повезло. Дай им почувствовать контроль над ситуацией, пусть начнут тебя окружать. А потом атакуй!» — Силен поморщился, но приготовился действовать так, как сказал голос. Трое оставшихся северян начали окружать его. Один остался прямо перед ним, двое разошлись в стороны. «Если получится... Не убивай всех». — Этого слабого голоса Силен еще не слышал. Он вздрогнул и чуть не пропустил атаку стоявшего справа северянина. Тот постарался достать бок Силена колющим ударом. Не раздумывая, Силен прыгнул влево. Его заго-

няли под удар левого, и он пошел на поводу у них, парируя удар северянина и давя на его меч. Силен был сильнее, быстрее и заставил того отступить на шаг. Тем самым он открылся для среднего, и тот нанес рубящий удар сверху.

Силен почти ушел от него, но меч северянина задел правую лопатку. Скрип клинка по кости и боль должны были оглушить его, сделать беззащитным. Однако Силен развернулся на левой ноге, перехватил меч правой рукой и ударил снизу кончиком клинка в горло среднего северянина. Острие пробило трахею и, задев шейные позвонки, ушло вправо, выйдя сзади. Силен поворотом кисти разрезал горло несчастного, освобождая меч, и тут же развернулся вправо, отражая удар левого. Кровь с клинка брызнула ему в глаза, и он отшатнулся. Силен перехватил меч снова левой, парируя удар правого. Резко развернулся через левое плечо и ударил ниже кольчужной юбки, подрубив северянину левое колено. Отскочил и посмотрел на оставшегося на ногах противника.

Северянин, что был слева, развернулся и побежал от него прочь. «Если дать ему уйти, он предупредит остальных!» Силен бросил в северянина меч. Разумеется, он и не надеялся ранить, меч бросил на уровне колен бегущего, пытаясь просто сбить его с шага. А сам остался безоружным. Подходить к раненому было опасно, и он кинулся к первому убитому. У него на поясе был кинжал. Одновременно Силен заметил, что его бросок удался. Левый не просто сбился с шага, он упал на землю. Теперь же повернулся к Силену и, видя, что тот остался без оружия, начал вставать. Силен прыгнул, перекатился и вонзил кинжал, выхваченный из ножен убитого, в глаз левого северянина. Потом взял его меч и повернулся к еще живому правому. Тот стоял на коленях, зажимая рану на ноге. Увидев Силена, он поднял меч.

«Может быть, оставить его в живых?» — робко произнес второй голос в голове Силена. «Нет!» — Рык Мести был подобен грому в голове. Неприятное чувство. Но

Мечь прав, если оставить его в живых, он расскажет о том, что видел. О том, что какой-то крестьянин легко убил четверых их же оружием. Это опасно. Так нельзя. Не обратив внимания на слабый взмах стоявшего на коленях, Силен ударил его со всей силы в край шлема. Шлем не выдержал удара, и клинок глубоко вошел в висок северянина. Отпустив меч, застрявший в покореженном металле, Силен отступил на пару шагов. «Скорее всего, на этом мече теперь большой скол. Лучше взять другой клинок».

«Зачем мне меч?» — подумал Силен. «Ну да, тут война, захватчики будут ходить сотнями, а тебе меч не нужен! Ха!» — От мыслей Мести Силен поморщился. Он и сам не заметил, как дал этому голосу имя. И оно ему очень подходило. Чистая Мечь, как она есть.

Но при всей своей кровожадности этот голос говорил разумную вещь. Если северяне затеяли большую войну, если пало Кольцо Ираны, самая северная крепость Империи на границе баронств, то лучше ему взять с собой меч. «И кинжал! А лучше два!» — тут же влез в мысли Силен Мечь.

Силен обыскал воинов. Он выбрал самый большой меч, с его ростом этим клинком будет удобнее пользоваться, длинный кинжал со слегка изогнутым лезвием чуть короче локтя и короткий, не больше ладони, кинжал с узким треугольным лезвием, подходящим для пробития доспехов. Повесив их на пояс, взятый у одного из убитых, Силен выпрямился во весь рост и задумался. Нужно ли возвращаться в деревню?

«Еще чего! Не теряй времени, уходи сразу на юг».

«Но ведь тогда всех в деревне убьют...» — Похоже, это было его милосердие. Этому голосу имя Милосердие действительно подходило так же хорошо, как первому имя Мечь. Силен подумал о соседях по деревне. Они помогали ему. Не дали умереть от голода в первый год. Он представил Краст после прихода остальных северян. Мертвого Оплена. Мертвую Алаю. Стало совсем плохо.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ЗНАКОМСТВО	7
Часть вторая. КАЛЛИМАР	85
Часть третья. ОСАДА	177
Часть четвертая. ШТУРМ	232
<i>Эпилог</i>	279